

Все присутствующие в замешательстве уставились на него. Директор Юй, снедаемый тревогой, поспешил вмешаться:

— Что стряслось? — встревоженно заговорил директор. — Струны повели черное дерево? Или трещины на корпусе слишком глубокие? Чжоу, ты ведь у нас специалист, из самой Италии вернулась, ну же, взгляни на инструмент...

— Директор Юй, погодите минуту, — мягко прервал его Фань Чэньюнь.

Он прекрасно знал строптивый нрав своего ученика и попытался успокоить взволнованного главу музея. Нахмурившись, мастер строго добавил:

— Сяо Ин, сколько раз я повторял тебе: нельзя рубить с плеча, не выбирая выражений и не глядя на окружение.

— Слушаюсь, наставник, — Чжун Ин обвел взглядом недоумевающую, шепчущую толпу. — Но я бы предпочел обсудить этот инструмент без лишних ушей.

«Без лишних ушей» означало, что праздным слушателям здесь больше не рады. Директор Юй, растерянный и взволнованный, поспешил увести Чжун Ина, бережно прижимавшего к себе древний инструмент, в служебные помещения музея.

Едва тяжелая дверь конференц-зала закрылась, Чжун Ин опустил взгляд и аккуратно опустил гуцинь на широкий полированный стол.

— Господин Чжун, да что же с ним не так? — не выдержав, воскликнула Чжоу Цзюньтун.

Но Чжун Ин не спешил с ответом. Его длинные, сильные пальцы легли на струны. Исчезла былая трепетная осторожность — резким, уверенным движением он извлек из инструмента мощный, раскатистый аккорд.

Его голос звучал ровно и непреклонно:

— Длина «Изящного созвучия» составляет ровно два чи, а ширина — пять цуней и семь фэней. Головка инструмента слегка приподнята, а дека в районе «тали» уходит вниз. К резонаторному корпусу крепится удлиненный хвост, снизу увенчанный «гусиными лапками»-колками.

Внешне лежащий перед ними антрацитово-черный инструмент безупречно соответствовал этому описанию.

— При игре корпус должен издавать чистый, пустотелый звук, подобный ударам в ритуальную

рыбу-муй. Звучание должно резонировать внутри, подобно гулу храмового колокола.

Чжун Ин слегка ударил ладонью по деревянной деке. Раздался глухой, плоский стук — никакого глубокого, колокольного эха и в помине не было.

— Две струны при созвучии сливаются в единый чистый тон, раскрывая под пальцами все многообразие пяти тонов и двенадцати ступеней хроматического звукоряда.

Он подцепил ногтями струны. Звуки разбежались в разные стороны, фальшивя и наотрез отказываясь сливаться в гармоничный аккорд.

— И самое главное...

Чжун Ин резко приподнял гуцинь и перевернул его на бок. Стоявшие рядом люди испуганно ахнули и инстинктивно вскинули руки, боясь, что он уронит инструмент.

— Что вы творите?! — вскрикнула Чжоу Цзюньтун.

Директор Юй шумно выдохнул, едва не схватившись за сердце:

— Пресвятые угодники, пощади!

Ему почудилось, что юноша сейчас, подобно легендарному Юй Боя, разобьет драгоценный инструмент оземь в знак протеста.

Но Чжун Ин лишь бережно прижал инструмент к груди. Слегка согнув пальцы, он, словно слепец, считывающий шрифт Брайля, проник внутрь резонаторной полости и бережно нащупал вырезанные там иероглифы: «Лишь смолкнут суетные струны, изящное созвучие воспарит вновь».

Трещины-кракелюры на лаке можно подделать, описания звука в старинных книгах — неверно истолковать, но тактильные ощущения не могли его обмануть. Пальцы безошибочно подтвердили страшную догадку.

— Этим надписям нет и двадцати лет, — с ледяной уверенностью произнес Чжун Ин. — По всему корпусу пущена искусно имитированная сетка трещин в виде змеиной чешуи и цветков сливы. Но внутри прорезей иероглифов дерево гладкое и совсем свежее. Шероховатости там созданы намеренно, чтобы симитировать старость. Это не естественное старение сырого лака и древесины под действием времени. Разве может корпус тысячелетнего танского инструмента из черного дерева выглядеть так изнутри?

Он говорил без тени сомнения. Повернувшись к наставнику, Чжун Ин не сумел скрыть во взоре

глухое раздражение:

— Учитель, это не «Изящное созвучие». Перед нами обыкновенный новодел. Искусная современная подделка.

— Абсурд! Невероятно! — Марк Стэнфорд, внимательно слушавший переводчика, вскипел первым. — Я так и знал! Нельзя было подпускать к инструменту никого, кроме господина Фань Чэньюня. Да кто ты вообще такой? По какому праву ты заявляешь, что гуцинь фальшивый?!

— Полно вам, не горячитесь так, — спокойно осадил его Фань Чэньюнь.

Столкнувшись с яростью иностранного поверенного, мастер без колебаний принял сторону своего ученика.

— Мой ученик лишь высказал профессиональное суждение и привел аргументы. Экспертиза гуциней всегда строилась на подобных тонкостях, так что вам не стоит так волноваться, господин Стэнфорд. Это обычная дискуссия, а правду ни одна ложь не укроет.

Мягкий, умиротворяющий тон мастера остудил пыл Стэнфорда. Насупившись, он повернулся к переводчице:

— Джессика, ты ведь целых пять лет ухаживала за этим гуцинем в музее Беллу и лично сопровождала его на родину. Объясни этому выскочке, в чем его ошибка!

Чжун Ин поднял глаза. Чжоу Цзюньтун выглядела так, словно в нее ударила молния. В ее широко распахнутых глазах плескался неподдельный ужас. Тем не менее она сумела взять себя в руки и заговорила относительно ровным голосом:

— Когда этот инструмент в две тысячи седьмом году попал в музей Беллу, его состояние было катастрофическим. Корпус источили насекомые, струны лопнули... Он напоминал безжизненный кусок трухлявой древесины с парой свисающих шелковых нитей. За последние четырнадцать лет он пережил без малого сотню реставраций разного масштаба. Поэтому неудивительно, что дошедшие до нас исторические описания тембра и текстуры дерева не совпадают с нынешним состоянием инструмента.

Гуцинь — не фарфоровая ваза и не свиток живописи, его нельзя вернуть в первоначальный вид, просто подправив внешние дефекты.

Чжоу Цзюньтун принялась подробно перечислять объемы материалов, ушедших на бесконечные починки: редкие породы дерева, лаки, дорогие шелковые нити. Сама она в этих работах не участвовала, но благодаря феноменальной памяти могла до мельчайших деталей воспроизвести каждый шаг реставрационного отчета.

Чжун Ин слушал ее, задумчиво ведя пальцами по полированной деке. И какие бы профессиональные термины ни приводила реставратор, внутри у него все сильнее разрастался ледяной холод.

— Подлинность этого гуциня не имеет ничего общего с количеством ваших ремонтов и мастерством реставраторов, — тихо прервал ее Чжун Ин.

Он выслушал девушку до конца, а затем вновь легонько постучал костяшками по корпусу. Звук вышел тусклым и безжизненным.

— Дерево действительно черное, но звук не проникает в его волокна. Этой древесине от силы лет сто. Я не сомневаюсь в квалификации специалистов из музея Беллу — ни один профессиональный реставратор не додумался бы заменить куски подлинного тысячелетнего дерева новыми плашками. Даже начинающий мастер при создании нового инструмента не совершит столь глупой ошибки при выборе материала.

Он пристально посмотрел на Чжоу Цзюньтун:

— Раз уж вы ремонтировали его сотню раз, скажите: подвергался ли он когда-нибудь полному вскрытию?

— Вскрытию? — Чжоу Цзюньтун не сразу уловила профессиональный сленг китайских мастеров.

— То есть отделению верхней деки от нижней пластины, — пояснил Чжун Ин. — Это делается для того, чтобы заново отрегулировать внутренний резонатор: где-то подтесать дерево, где-то, наоборот, нарастить плашки, чтобы вернуть прежнюю акустику.

— Да, было! — осенило девушку, и она заговорила еще быстрее. — В отчетах упоминалось, что ради этого десятиструнного инструмента музей Беллу специально приглашал мастеров по изготовлению гуциней из Китая. В Италии тоже собирали консилиум из лучших скрипичных мастеров. Прежде чем решиться на вскрытие, они скупили десятки других старых инструментов для тренировки. Но когда короб все-таки вскрыли, резонаторные каналы оказались практически стерты в труху. Восстанавливать их было настолько тяжело, что мастеру пришлось фактически пересобрать всю конструкцию заново из свежих материалов.

Полная замена внутренних частей инструмента, из-за которой он перестал соответствовать историческим хроникам, — настоящий кошмар для любого реставратора. На лбу Чжоу Цзюньтун выступила испарина. Забыв стереть пот, она с надеждой спросила:

— Так значит... это наши мастера допустили ошибку при восстановлении? Из-за этого он звучит не так?

— Дело вовсе не в этом, дитя мое, — мягко прервал ее Фань Чэньюнь.

Видя, как нервничает за столом девушка, он поспешил успокоить ее отеческим тоном.

— Вы проделали колоссальную, прекрасную работу. Превратить источенный жуками обрубок без струн в то, что лежит перед нами — это настоящее чудо. Но...

Повернувшись к багровому от злости Стэнфорду, мастер неторопливо продолжил:

— Гаррисон Беллу лично рассказывал мне, что выложил за этот инструмент около миллиона евро на итальянском аукционе. Он утверждал, что сделал это ради исполнения последней воли покойного господина Шэнь Линя.

— Именно так! — Стэнфорд яростно вскинул брови. — Господин Беллу не пожалел девятисот восьмидесяти тысяч евро ради памяти Шэнь Линя! А расходы на реставрацию за эти четырнадцать лет и вовсе превысили первоначальную стоимость вдвое! Он не искал выгоды, это был чистый акт милосердия!

Каждым словом он пытался уязвить Чжун Ина, обвиняя его в неблагодарности и подлой клевете на благородного старца. Чжун Ин лишь презрительно усмехнулся. В деликатности с мужчинами он никогда не преуспевал.

— Позвольте спросить: с каких это пор авторитетные европейские аукционные дома выставляют на торги под видом величайшей реликвии откровенный хлам, требующий баснословных затрат на восстановление? Не проще ли было вырезать пораженные гнилью куски, убрать рваные струны и продать реликтовое черное дерево как сырье? На этом они заработали бы куда быстрее.

В конференц-зале воцарилась тяжелая тишина. Чжун Ин одной фразой вскрыл циничную суть аукционного бизнеса.

«Кусок трухлявой древесины». Судя по описанию Чжоу Цзюньтун, в руки Беллу этот инструмент действительно попал в ужасающем состоянии. Назвать это шедевром древности язык не поворачивался — скорее, тысячелетней корягой.

Каждый в этой комнате прекрасно понимал правила игры. На крупные торги выставляют только редкие артефакты идеальной сохранности, способные выдержать строжайшую экспертизу. Две тысячи седьмой год — далеко не средневековье, да и европейские оценщики дураками не были. Уникальные старинные гуцини ценятся невероятно высоко, но только тогда, когда черное дерево деки и шелковые струны способны рождать музыку. Сломанный, немой инструмент теряет саму суть своего предназначения.

Продажа полуразрушенной скрипки или гуциня за без малого миллион евро должна была

стать мировой сенсацией в арт-мире. Однако никто из присутствующих о подобной сделке даже не слышал.

Воздух в комнате сделался вязким от неловкости. Если происхождение инструмента вызывало столько вопросов, то его подлинность и вовсе трещала по швам. У сотрудников музея шла кругом голова; они растерянно смотрели на черную деку, не зная, верить собственным глазам или авторитету дарителя. Сказать правду в лицо Стэнфорду никто не решался.

Но даже без их слов Стэнфорд почувствовал себя загнанным в угол. Багровея от гнева, он ткнул пальцем в сторону Чжун Ина:

— Неблагодарный щенок! Как ты смеешь порочить имя господина Беллу своими грязными подозрениями?! Если китайская сторона относится к величайшему акту доброй воли с таким цинизмом, я вынужден усомниться в вашей способности бережно хранить наследие. Нам придется пересмотреть условия передачи коллекции!

И это не было пустой угрозой. Марк Стэнфорд выступал не просто курьером — он обладал статусом независимого эксперта, оценивающего условия содержания в Музее озера Цинлин. Если он напишет отрицательное заключение, не только спорный гуцинь, но и все сто двенадцать бесценных реликвий могут под конвоем вернуться в Италию.

Однако Чжун Ин даже бровью не повел на эту тираду. Он лишь спокойно перевел взгляд на своего наставника. Фань Чэньюнь сокрушенно покачал головой и мягко, с едва заметной иронией произнес:

— Пересмотреть условия? И что же вы скажете старому Беллу? Что он мало того что не смог вернуть инструмент своего покойного друга Шэня, так еще и позволил мошенникам водить себя за нос целых четырнадцать лет, выманив миллионы евро? И именно ради спасения его чести вы решили забрать все дары обратно?

— Господин Фань... — Стэнфорд запнулся.

«Оставить инструмент здесь — значит признать, что на нем клеймо фальшивки. Увезти обратно — лишь подтвердить подозрения и выставить себя дураками».

К счастью, Фань Чэньюнь проявил житейскую мудрость и предложил компромисс:

— Сделаем так. Ради нашей многолетней дружбы с Гаррисоном я попрошу директора Юй предоставить необходимое лабораторное оборудование. Мы проведем независимую экспертизу и установим точный возраст этой древесины. И будьте спокойны: мы сделаем все втайне от Гаррисона. Мой старый друг наверняка стал жертвой бессовестного обмана. Если он на десятом десятке лет узнает, что все это время берег подделку, его сердце просто не выдержит такого удара. Берегите его здоровье.

Гаррисону Беллу исполнилось девяносто шесть лет — подобное известие могло свести старика в могилу. Стэнфорд, как ни злился, вынужден был согласиться. Подавив гордость, он молча кивнул в знак согласия.

Мастер проявил верх благородства и заботы, однако никто в комнате не спешил рассыпаться в благодарностях. Шокированные известием о фальшивке, сотрудники музея сгорали от нетерпения. Им хотелось немедленно отправить инструмент под рентген и спектрометр, чтобы выяснить, в каком именно десятилетии была срублена эта псевдо-древняя павловния.

Чжун Ин молча подхватил свой кофр и направился к выходу, даже не взглянув напоследок на лежащую на столе подделку.

Учитель и ученик вместе покинули зал заседаний. Никто не посмел их задерживать. Однако стоило им отойти на несколько шагов по гулкому коридору, как сзади раздался торопливый стук каблучков и взволнованный голос:

— Мастер Фань! Господин Чжун, постойте!

Чжоу Цзюньтун запыхалась, на ее лице читалось глубокое смятение.

— Я... я прямо сегодня свяжусь со своим научным руководителем. Как только выставка закроется, я немедленно вылечу обратно в Италию, в музей. Тот инструмент... он...

Ее голос срывался и дрожал. Осознание того, что реликвия может оказаться фальшивкой, потрясло ее куда сильнее, чем резкие слова Чжуна Ина в адрес Беллу.

— Я подниму все архивы, перепроверю каждый листок в реставрационных журналах... Но скажите...

Она нерешительно замолчала. Чжун Ин, заметив ее колебания, не торопил девушку, терпеливо ожидая вопроса. Наконец, пересилив себя, молодая хранительница, для которой авторитет Беллу долгие годы оставался непререкаем, тихо спросила:

— Господин Чжун, вы обмолвились, будто господин Беллу воспользовался чужой бедой и попросту украл этот инструмент... А красивый рассказ об их великой дружбе с Шэнь Линем — всего лишь выдумка? Это правда?

Этот вопрос задевал основы ее профессиональной веры. Она говорила почти шепотом, словно боясь потревожить тени ушедших предков.

Обычно резкий и непреклонный Чжун Ин на сей раз не нашел в себе сил обрушить на нее всю беспощадную правду. Глаза девушки подозрительно блестели от слез — казалось, подтверждение ее худших опасений заставит ее разрыдаться прямо здесь.

— Господина Шэня давно нет в живых, — мягко ответил Чжун Ин. — Какая разница, сколько вымысла в рассказах Беллу? Сейчас важно лишь одно... — Он сделал паузу. — Этот инструмент — подделка.

Чжоу Цзюньтун так и осталась стоять посреди пустого коридора, растерянно глядя им вслед. Чжун Ин и Фань Чэньюнь быстрым шагом направились к выходу из музея.

Они сели в поджидавший у входа автомобиль. Едва за ними захлопнулись дверцы, Фань Чэньюнь негромко скомандовал водителю:

— В усадьбу Фаньлинь. Нужно еще раз перечитать дневники и переписку господина Шэня. Возможно, мы упустили какую-то важную деталь.

Мастер повернулся к ученику и укоризненно покачал головой:

— Значит, ты проболтался об этих записях девчонке-реставратору?

— Наставник, Чжоу Цзюньтун искренне верит в эту сказку. Она всем сердцем любит древнее искусство, — горячо заговорил Чжун Ин. — Мне не хотелось, чтобы честный человек продолжал преклоняться перед вором. К тому же... когда она поняла, что гуцинь фальшивый, ей было по-настоящему больно.

Фань Чэньюнь долго молчал, взвешивая слова юноши, но так и не стал отчитывать его за излишнюю прямоту. Устало прикрыв глаза, он откинулся на спинку сиденья.

— Разве она одна... — негромко, со вздохом произнес мастер. — Сколько людей из-за этого проклятого инструмента извелись от горя и ушли в мир иной, так и не сомкнув спокойно глаз.

Машина быстро миновала оживленные кварталы, оставляя позади сверкающие небоскребы мегаполиса, и углубилась в тихий пригород. Вскоре она затормозила перед резными воротами старинной усадьбы. Над входом красовалась резная деревянная вывеска с лаконичной надписью: «Усадьба Фаньлинь».

Чжун Ин последовал за учителем в просторный павильон, занимавший северное крыло поместья — знаменитый музыкальный салон.

Потоки яркого солнечного света хлынули в распахнутые двери, освещая просторный зал. Здесь на изящных подставках ровными рядами покоились десятки диковинных инструментов: классические гуцини, лютни-пипы, эрху, бронзовые колокола-бяньчжуны и даже редкие тринадцатиструнные чжу. Все это богатство за долгие годы упорного труда создал прежний хозяин усадьбы, легендарный мастер Линь Вангуй.

В самом центре зала стоял скромный алтарь, над которым в простой рамке висел цветной

портрет покойного мастера.

Фань Чэньюнь подошел к алтарю, благоговейно зажег палочку благовоний и установил ее в бронзовую курильницу. По залу разлился тонкий сандаловый аромат.

— Вангуй, — негромко прошептал он, глядя на портрет друга. — «Изящное созвучие» пока не вернулось домой. Придется тебе еще немного подождать.

Но ушедший мастер лишь безмолвно улыбался с портрета.

Чжун Ин молча опустил кофр на пол, бережно достал оттуда свой скромный гуцинь «Осенние думы» и вернул его на привычное место, в один ряд с четырьмя другими старинными инструментами.

Затем он подошел к проектору и вывел на стену отсканированные страницы старых дневников. На пожелтевшей от времени бумаге проступили уверенные, каллиграфические иероглифы Шэнь Линя:

«С момента падения династии Тан шелковые струны "Изящного созвучия" пришли в негодность, отчего сердце мое обливалося кровью. По счастью, Чжюань отыскал искусного мастера и превосходный материал, вернув инструменту первозданную мощь. Звук его деки ныне чист и глубок, словно удары в храмовую рыбу-муй, а эхо гулко разносится внутри короба, подобно звону великого колокола. Струны поют в идеальном согласии, сливаясь в единый чистый тон. Пять тонов и двенадцать ступеней послушно ложатся под пальцы — великая радость наполняет мою душу!»

Каждая строчка покойного Шэнь Линя лучилась искренним восторгом перед великим творением. И даже теперь, спустя долгие десятилетия, Чжун Ин, вчитываясь в эти строки, будто наяву слышал глубокий, бархатистый рокот древних струн.

Он пролистал несколько слайдов вперед. Вновь замелькали строки:

«Война идет к концу. В порту наконец появились пассажирские лайнеры, отплывающие в Италию. Интересно, дошли ли письма, что я передал через посольство? Судьба картин и фарфора, вывезенных из страны, меня не слишком заботит. Но "Изящное созвучие" так нежно и хрупко... Лишь бы долгий путь через океан не повредил его деку, иначе это разобьет мне сердце».

Чжун Ин молча вчитывался в каждое слово. Тогда, в вихре войны, Шэнь Линя арестовали. Когда спустя две недели он вернулся в Общество изящных созвучий минувшего, мир вокруг уже рухнул. Легендарный десятиструнный гуцинь вместе со всеми сокровищами общества бесследно исчез. Немногие уцелевшие соратники лишь растерянно разводили руками: спасаясь от мародерства японских оккупантов, они спешно перевезли ценнейшие экспонаты в международный селтльмент, передав их на хранение иностранным коммерсантам, которых

интервенты не смели трогать.

Но благодетели оказались предателями: под покровом ночи они погрузили все ценности на корабли и бежали из страны. Не имея возможности дожидаться освобождения Шэнь Линя, члены общества наспех набросали записку с объяснениями и бросились в погоню за беглецами через океан.

По этим обрывочным дневниковым записям Чжун Ин пытался восстановить картину того предгрозового хаоса, но восстановить судьбу остальных реликвий было невозможно. Ясна была лишь судьба десятиструнного «Изящного созвучия» — она оказалась в руках итальянских купцов по фамилии Беллу.

До конца своих дней Шэнь Лин искал возможность выехать в Италию. Он отправлял десятки писем в этот далекий европейский край, цепляясь за любую ниточку, способную пролить свет на местонахождение семьи Беллу. В те годы он даже толком не представлял, кем были эти коммерсанты. Но старый мастер свято верил: незримая связь между инструментом и его создателем неподвластна расстояниям. Стоит ему ступить на землю чужбины, и его гуцинь обретет дорогу домой.

Увы... Судьба распорядилась иначе.

Чжун Ин тяжело вздохнул и выключил проектор. На последних слайдах осталась лишь предсмертная запись Шэнь Линя — крик души, полный несбывшихся надежд. Мастер ушел из жизни в безвестности и тоске, так и не дождавшись билета на заветный пароход до Неаполя, не получив ни единого слова ответа из Европы.

Со смертью Шэнь Линя десятиструнное «Изящное созвучие» словно кануло в вечность. И лишь четырнадцать лет назад мир внезапно облетела весть о том, что реликвия выставлена в частном музее Беллу в Италии.

— Наставник, — Чжун Ин нарушил тишину, — может, стоит через наше посольство уведомить итальянские власти, что они привезли фальшивку?

— Это бессмысленно, пока мы не выясним, где скрывают оригинал, — покачал головой Фань Чэньюнь.

Он потратил четырнадцать лет на бесплодные поиски и слишком хорошо изучил юридические тонкости международных споров. Инструмент покинул страну в далеком сорок втором году. А ключевая международная конвенция о возвращении похищенных ценностей была принята лишь в девяносто пятом. Закон не имеет обратной силы, а значит, в юридическом поле вернуть реликвию законному владельцу практически невозможно — оставалось уповать лишь на добрую волю нынешних держателей.

Но совести у Гаррисона Беллу, как оказалось, не было вовсе.

Фань Чэньюнь долго всматривался в мудрые глаза Линь Вангуя на портрете. Наконец его лицо разгладилось, и он твердо произнес:

— Сяо Ин. Через несколько дней ты отправишься в Италию. Твоя цель — Музыкальный театр Флоренции. Раз уж оригинал «Изящного созвучия» действительно у Беллу, у меня есть один план. Мы вернем его домой. Чего бы нам это ни стоило.

<http://bllate.org/book/20108/1998538>